

Н. Н. Капралова

**ПОСТНИГИЛИСТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК НИЦШЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ КНУТА ГАМСУНА
РУБЕЖА XIX–XX вв.**

В скандинавской литературе конца XIX в. на смену объективному изображению социальных явлений действительности пришел субъективный анализ внутренних движений человеческой души и поворот к психологизму. Пробуждался интерес к роли бессознательного и иррационального в духовной жизни личности. Значительное влияние на писателей Скандинавии оказывали философские системы Э. Сведенборга, А. Шопенгауэра, С. Киркегора и Ф. Ницше¹.

Общеввропейскую известность Ницше принесла статья датского критика Г. Брандеса «Аристократический радикализм», написанная в 1889 г. Влияние Ницше испытал и сам Брандес, в чьем творчестве призыв к участию искусства в решении общественных задач сменился в 1890-е годы идеей о великой личности как цели человечества и культуры. Датский ученый пишет о скором объединении европейского общества в единое социокультурное пространство, что должно стать толчком для появления «касты выдающихся умов», которая и будет управлять новым обществом. Именно критика современного человека в рассуждениях Ницше привлекает Брандеса. Власть и доминирование в обществе «образованного филистера», обывателя, убежденного в оригинальности и превосходстве собственной культуры, препятствует появлению действительно выдающейся личности: «Общество образованных филисте-

© Н. Н. Капралова, 2009

ров подливает много горечи в жизнь людей, возвышающихся над общим уровнем»². В то же время Брандес указывает на восхищение немецкого философа кастой великих людей, их стремлением к власти, здоровьем и внутренней свободой и особой, аристократической моралью, в которой нет понятия справедливого и несправедливого, плохого и хорошего. В Ницше Брандес видит «художника», «мечтателя», «воинственного мистика, поэта, мыслителя и имморалиста», с которым можно спорить, но чей мир открывает новые, свободные перспективы для европейского общества, — в противовес концепциям английской философии утилитаризма.

Социально-исторический прогресс, появившийся на смену христианским ценностям, становится ориентиром для человека. «Смерть Бога», которая лишила существование осмысленности, мотивации и идеала, привела к тому, что на место религиозного авторитета приходит авторитет морали. Человек становится на место Бога и утверждает собственные критерии смысла бытия, которые, однако, все так же отрицают жизнь во имя высших ценностей. В интерпретации Ж. Делёзом ницшевской концепции воли к власти последняя представляет собой борьбу активных (утверждающих собственное отличие) и реактивных (отрицающих отличие, ограничивающих) сил. По мнению Ницше, повсюду наблюдается победа отрицания, слабости, вырождения — торжество нигилизма³.

По Хайдеггеру, нигилизм также проистекает из общечеловеческой утраты ценностей, лишившей человека нравственных ориентиров и заменившей Бога на Ничто. Нигилизм явился следствием, во-первых, «ошибочной ориентации на поиски смысла всего происходящего», во-вторых, несостоятельность «веры в единство, системность и целостность», в-третьих, «неверие в существование трансцендентной реальности». Необходимость в авторитете и некоем новом мериле ценностей ищет возможную замену религиозной морали и находит опору в земном историческом и культурном прогрессе⁴. Исследуя известную статью М. Хайдеггера «Слова Ницше “Бог мертв”», Т. А. Кузьмина отмечала: «“Небосвод стерт” европейским рациональным субъектом, для которого весь мир стал лишь предметом представления и активистских притязаний; человек и его ego cogito (я мыслю) везде находили только себя, и “все это ради собственной удостоверяющейся уверенности” в полном господстве над миром»⁵. Необходимость человека оправдывать собственное существование полезными и целесообразными действиями порождена

неверием в высшие ценности и господством этики утилитаризма, или морали рабов.

Эпоха европейского нигилизма, ознаменованная «смертью Бога», породила героя времени — нецельного, нервного и противоречивого человека, ищущего опоры и оправдания собственного существования. В романах Гамсуна 1890-х годов изображаются люди, находящиеся в таком поиске, исследуются их психология и мотив поведения, описываются их судьбы в современном мире. Сложно говорить о непосредственном влиянии на раннего Гамсуна произведений Ницше, однако несомненно, что образы, созданные немецким философом, отложились в сознании молодого писателя. В своем послании 1929 г. профессору Береннсону Гамсун отмечал, что никто не произвел на него в юности такое впечатление, как Достоевский, Ницше и Стриндберг⁶. Так или иначе сходство некоторых идей в творчестве немецкого мыслителя и норвежского романиста носит, скорее, типологический характер, обусловленный настроениями эпохи.

Объектом нашего анализа выступил роман, написанный Гамсуном в 1892 г., сразу после успеха дебютного произведения «Голуд». В «Мистериях» в границах локально ограниченного художественного пространства Гамсун исследует универсальные жизненные процессы и личность, ищущую смысл существования мира и собственного бытия. Эти настроения поиска созвучны ницшевскому осознанию необходимости создания новых ценностных ориентиров для современного общества, пересмотру религии и морали и возникновению нового типа человека — спасителя культуры.

В «Мистериях» повествование ведется от лица автора, однако в отдельных эпизодах оно сменяется внутренним монологом Нагеля, раскрывающим глубины сознания и подсознания героя. Нагель всегда искренен, ему чуждо корыстное лицемерие. Его поведение и взгляды противоречивы и идут вразрез с общепринятыми нормами, но это не деланный эпатаж, а суть природы протагониста. Например, он отрицает изначальное, природное равенство людей и говорит об особом предназначении одних и отсутствии любого предназначения у других: «Какой смысл в том, чтобы проповедовать фаустовские взгляды моему доброму соседу Уле Нурдистуэну! <...> Уле Нурдистуэн существует только для того, чтобы удобрять собой землю, это тот солдат, по которому проскакал на своем коне Наполеон» (Г, 221). Слова Нагеля неизбежно пересекаются с высказываниями

Ницше о бесполезности существования обывателей: «Живут слишком многие, и слишком долго висят они на своих сучьях. Пусть же придет буря и стряхнет с дерева все гнилое и червивое» (НС, 350). Концепция воли к власти предполагает борьбу за существование, в которой побеждают наиболее сильные, здоровые и благородные индивиды. Именно они, по Ницше, управляют массами и творят историю. Однако эпоха всеобщего равенства дает обывателю возможность влиять на ход развития человечества. Но индивид из массы — это всего лишь либо «плоская копия с великих личностей», либо «оппозиция великим», либо «орудие в руках великих»⁷. В связи с этим Нагель презирает современных общественных лидеров за их ханжество, слепое следование общепризнанным принципам, стремление уравнивать людей и возвеличить массу. Он обрушивается на британского премьер-министра У. Гладстона: «Гладстон — рыцарь неотъемлемых прав, он сражается за то, что уже завоевано <...> Его мораль — самая здоровая и самая непреходящая. Еще бы — он выступает во имя христианства, гуманизма и цивилизации!» (Г, 249–250). Этот политический деятель — глава либеральной партии. Ницше назвал либерализм «обращением в стадных животных» (НС, 818). Похожее мнение выражает и Нагель, его бунт против Гладстона — инстинктивное и бесполезное восстание против большинства и его абсолютной правоты: «И говорю я это лишь затем, чтобы доказать, что Гладстон действительно всегда прав. Но все дело в том, насколько мы еще в состоянии воспринимать истину вообще, не утратили ли мы постепенно эту способность оттого, что нас потчуют такими истинами, которые не могут нас поразить» (Г, 251). Нагель утверждает, что действительно великий человек, который сможет принести дух обновления, не будет искать поддержку у толпы. Массы можно лишь «гнать перед собой, словно стадо ослов, чтобы получить большинство при голосовании», однако дух созидания и творчества толпе недоступен в силу ее пошлости и неизменного конформизма. Схожие мысли наблюдаются и у Ницше — обыватель, «раб», ищущий внешнюю инстанцию для подчинения себя ей, никогда не создаст новой этики, на ней всегда будет лежать отпечаток слабости и вырождения.

Вопрос об истине и морали — ключевой в анализе связей между идеями Ницше и мировоззрением героя Гамсуна. Б. В. Марков отмечал, что основной причиной для беспокойства у Ницше было «превращение человека в стадное животное» как следствие гума-

низации общества⁸. Неизменная правота большинства приводит к умалению действительно высоких и достойных личностей и господству так называемой рабской этики — инстинкта стада и морали слабых, бессильных, торжеству посредственности: «Ибо если силу имеют те моральные ценности, которые лежат в основе оценок, выносимых неполноценными, и тех способов поведения, при которых они защищены, то повышенную ценность получает их собственное вот-бытие, а действительно могущественное и блистательное вот-бытие обесценивается»⁹. Презрение Нагеля распространяется и на толпу, которая создает себе кумиров, подобных Гладстону, так называемых великих людей. Необходимость поклонения кому бы то ни было порождает огромное количество «коммунальных» гениев и умаляет немногие истинные таланты: «О, каким убогим, каким невзыскательным, каким негордым сделали люди мир Божий! <...> В скором будущем каждая община заведет себе великого человека... И земля станет такой великолепно плоской и ровной, что окинуть ее взором будет проще простого» (Г, 407–409). В интерпретации Ницше Г. Брандесом высшее, чего может достичь действительно выдающаяся личность — это «геройское существование», эти люди, рожденные в «весну природы», — вожди и творцы, влияющие на окружающих «скорее всем своим существом, чем своими действиями», «благородные, хорошие в грандиозном стиле, те, в которых живет гений добра»¹⁰.

Примечательно, что, рассуждая о писателях-современниках, роль духовного вождя Нагель отводит не лучшему в художественном плане, а тому, кто не только своим творчеством, но и жизнью стремится нести людям нечто новое, облагородить их, менять сложившиеся устои и утверждать собственные ценности: «Бьернсон — человек, ошеломляющая личность, а не отвлеченное понятие. Да, он живой человек, из плоти и крови, он шумит на нашей грешной земле, и ему нужно в сорок раз больше жизненного пространства, чем простому смертному. Он вовсе не стремится предстать перед людьми как некий сфинкс, не пытается окружить себя величием и таинственностью, как Толстой в своей степи или Ибсен в своем кафе <...> Это — могучий дух, один из немногих, рожденных быть вождем» (Г, 345). Здесь образ Бьернсона созвучен брандесовскому пониманию великой личности у Ницше, которая возвышается над массой и притягивает толпу к себе. Воля к власти у Ницше неразрывно связана с творчеством — «творить и отдавать»¹¹. Именно

«волящий» и есть, по Ницше, великий, стремящийся к установлению собственных ценностей, так как он сам и является «принципом установления ценностей».

Отсюда и нагелевское понимание по-настоящему выдающейся личности: «Самый великий не тот, кто вызывает наибольшее общественное брожение <...> Самый великий тот, кто придает нашему существованию наибольший смысл, кто оставляет наиболее осязаемый след. Все дело в масштабах. Если хотите, великий террорист, величайший из людей, так сказать, рычаг, могущий перевернуть миры...» (Г, 220).

Ницше не раз высказывает мысль об измелечании человека в современном мире: «И Заратустра остановился и задумался. Наконец он сказал с грустью: “Все измелчалось!” <...> Я хожу среди этих людей и дивлюсь: они измелчали и все еще мельчают — и делает это их учение о счастье и добродетели» (НЗ, 326). Чувства, страсти, саму жизнь современный человек сделал посредственными и вульгарными, его бытие разумно и лишено стремления и тайны. Подобно ницшевскому герою смотрит на современника и Нагель. Он сравнивает нынешних норвежцев с их смелыми, жестокими предками — викингами, завоевателями и грабителями чужих земель: «Вот он, истинный норвежец, потомственный хуторянин. ...Уроженец здешних мест, соль земли, с ковригой под мышкой и коровой, плетущейся следом <...> Размотал бы ты, с Божьей помощью, о норвежский викинг, свой красный шарф да вытряхнул бы из него вшей! Но тогда ты погиб бы, ты глотнул бы свежего воздуха и тут же помер <...> Покажите мне хоть одно исключение, скажите, возможно ли оно? Подарите нам, например, хоть одно выдающееся преступление, махровый грех. Я не говорю о мелких, мещанских грешках, нет, я имею в виду такое бесстыдное распутство, от которого бы волосы встали дыбом, кровавое злодеяние, королевский грех, исполненный чудовищной красоты ада! Ах, до чего же все ничтожно!» (Г, 222–223). В своем отношении к преступлению Нагель стоит «по ту сторону добра и зла»: хорошее для него равнозначно великому, сильному, одухотворенному, плохое — это маленькое, обыденно-добродетельное. Как и сверхчеловек Ницше, Нагель утверждает право выдающейся личности на собственную систему ценностей, поскольку все, что присуще сильному, смелому и благородному — хорошо. Все требования морали — это законы, созданные неудачниками, рабами, осуждающими свободную

интерпретации нравственности из-за собственной слабости и зависти к сильным. Мотив измелъчания человека и жажды выдающегося поступка остается актуальным и для более позднего творчества Гамсуна¹².

С имморализмом в Нагеле удивительно сочетается глубокая человечность. Он спасает тонущего — и потешается над собой, он помогает Минутке без снисходительного презрения к городскому юродивому, дает деньги Марте Гудэ, не желая выглядеть благодетелем. Показное сострадание Нагель истолковывает как своего рода эгоизм: «Есть люди, которые не могут не отдавать <...> Они отдают украдкой, торопливо, дрожащими руками, но при этом они испытывают удивительное блаженство, понять которое они сами не могут» (Г, 335). Такая трактовка сопереживания и дарения близка ницшевской: «Если должен я быть сострадательным, все-таки не хочу я называться им; и если я сострадатель, то только издали. Я люблю скрывать свое лицо и убегаю, прежде чем узнать; так советую я делать и вам, друзья мои!» (НЗ, 361). Согласно Ницше, публичное сострадание небескорыстно, а глубокое сочувствие лишь умножает страдание в мире. Для Нагеля взаимоотношения с Минуткой и Мартой — это своего рода утверждение себя в качестве исключительной фигуры. В образе нищего юродивого воплощены все черты ницшевской рабской этики — религиозность, идущая от рождения (сын пастора), смирение, послушание, подчинение авторитетам, самоунижение, «блаженность». Как отмечала в своей статье И. П. Куприянова, в особом внимании, оказываемом главным героем городским отверженным, просматривается сознательное возвышение Нагелем себя и его претензия на роль великой личности¹³.

Нагель не доверяет науке, которая по-своему пытается объяснить жизнь. Будучи равнодушным к традиционной религии, он защищает религиозность, любую веру в человеке: «Кому какая выгода от того, что мы лишаем жизнь всей поэзии, всех грез, всей прекрасной мистики и даже всей лжи?» (Г, 340). Подобно Ницше, Нагель не видит смысла искать истину, сути бытия, которой, возможно, вообще не существует. Только вера в высокие ценности обеспечивает возвышение личности над «стадом» в условиях, когда весь мир подвергается упорядоченности и расчетам и не остается места мистерии бытия. Глубокая натура Нагеля всем своим существом чувствует великую тайну жизни, любви, проникнуть в которую он

не полагает возможным, хотя и ощущает собственную причастность ей. Такие настроения героя созвучны ницшевской концепции дионисийского мировосприятия: опьянению жизнью, слиянию с природой и всем сущим.

Однако понимание бессмысленности жизни порождает желание прекратить собственное существование, покончить с собой. Нагель переживает резкую смену душевных состояний — восторг, умиление, отчаяние, злорадия. В начале романа он испытывает радость от мистериальности мира: «Вот бы очутиться там, в вышине, побродить между светилами и почувствовать, как кометы своими хвостами овевают твой лоб! <...> Он дрожал от радостного возбуждения, забыл обо всем на свете и отдался жгучим солнечным лучам. Он словно опьянел от тишины, ничто не разрушало колдовства этих минут, только откуда-то сверху доносился мелодичный мягкий звук, похожий на шум ветра, — это гудела машина вселенной, это Бог крутил свое колесо. А лес застыл — ничто не шелохнется, ни лист, ни даже иголка на сосне. Нагель сжался в комочек, подтянул к подбородку колени, его бил озноб — так остро он ощущал переполнившую его радость» (Г, 231–232). В заключении, измученный неразделенной любовью к Дагни Хьелланн и неудавшимися отношениями с Мартой Гудэ, непониманием и одиночеством, он говорит: «Я чужой среди людей, и скоро пробьет мой час <...> Разве не всё на свете комедия, шарлатанство, обман? Конечно, всё только обман. Камма, и Минутка, и все люди, и любовь, и сама жизнь — обман: все, что я вижу и слышу, и воспринимаю, — обман, даже синева неба — это озон, яд, вкрадчивый яд...» (Г, 411).

По аналогии с Иисусом Христом — «Иисус, увидев их, сказал им: «Идите за мною, и Я сделаю вас ловцами человеков»¹⁴ — и Нагель, и ницшевский Заратустра являются «ловцами человеческих душ»: «И снова он как бы плыл по небесному океану, закидывая серебряную удочку и напевая. И лодка его из благоуханного дерева, и весла сияют, как белые крылья, и парус — полумесяц голубого шелка» (Г, 231); «...Человеческий мир, человеческое море — в него закидываю я теперь свою золотую удочку и говорю: разверзнься, разверзнься, человеческая бездна, разверзнься и выбрось мне твоих рыб и сверкающих раков! Своей лучшей приманкой приманиваю я сегодня самых удивительных человеческих рыб!» (НЗ, 482). Заратустра зовет людей на вершины, в «Царство Человека», Нагель же проповедует связь человеческой души с природой и космосом.

Трагичность существования протагониста заключается в противоречии и постоянном столкновении его принципов, идей и поступков, хаосе его сознания. Жизнь Нагеля наполнена чувственным постижением мира и бытия, она сродни состоянию «высшей желательности», которое у Ницше свойственно трагическому художнику. Но в отличие от последнего в дионисийском существовании Нагеля нет «воли к жизни и возвращению». Этим обусловлена гибель героя «Мистерий».

Как было отмечено выше, сложно говорить о прямом влиянии на раннее творчество Гамсуна философских воззрений Ницше. Несомненна связь в выражении настроений времени, однако она может быть обусловлена и внешними факторами: молодой писатель очень остро воспринимал современность и процессы, происходившие в культурной атмосфере эпохи. Феномен независимого единого движения мысли однажды даже стал поводом для обвинения начинающего Гамсуна в плагиате, хотя налицо были свидетельства невинности норвежского писателя¹⁵. На наш взгляд, в «Мистериях» отразились не конкретные умозаключения немецкого мыслителя, но идеи времени, духовные настроения рубежа веков, предпосылки для которых были созданы учениями великих философов XIX в., в том числе и Ницше, чье влияние на современную ему и последующие эпохи трудно переоценить.

¹ См. об этом: *Сергеев А. В.* Скандинавский роман конца XIX века и творчество Кнута Гамсуна // Зарубежная литература конца XIX — начала XX века / Под ред. В. М. Толмачева. М., 1991. С. 331–353; *Храповицкая Г. Н.* Норвежская литература // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 8. М., 1994. С. 422–430.

² *Брандес Г.* Фридрих Ницше // Брандес Г. Собр. соч.: В 20 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 316.

³ См. об этом: *Делёз Ж.* Ницше. СПб., 1997. С. 32–33.

⁴ *Хайдеггер М.* Вечное возвращение равного (Лекции 1923–1944 годов) — <http://www.nietzsche.ru/look/hadegger.shtml>

⁵ *Кузьмина Т. А.* «Бог умер»: личная судьба и соблазны секулярной культуры // Фридрих Ницше и философия в России / Отв. ред. Н. В. Мотрошилова. СПб., 1999. С. 133.

⁶ См. об этом: *Hamsun Knut.* Knut Hamsuns brev. Utgitt av Harald S. Næss. Bd 5. Oslo, 1999. S. 216.

⁷ *Брандес Г.* Фридрих Ницше. С. 330.

⁸ См. об этом: *Марков Б. В.* Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб., 2005. С. 492.

⁹ *Ясперс К.* Ницше. СПб., 2004. С. 220.

¹⁰ *Брандес Г.* Фридрих Ницше. С. 319.

¹¹ Делёз Ж. Ницше. С. 32.

¹² См.: Гамсун К. 1) Странник играет под сурдинку // Гамсун К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1970. С. 352; 2) Последняя отрада. М., 1994. С. 51–52.

¹³ См. об этом: Куприянова И. П. Кнут Гамсун // Гамсун К. Избранное. Л., 1991. С. 12–13.

¹⁴ Евангелие от Матфея. 4: 12–22.

¹⁵ Речь идет о сходстве мотивов и сюжета в новелле Гамсуна «Азарт» и романе Ф. М. Достоевского «Игрок». Так как «Азарт» появился почти одновременно с выходом романа русского писателя на норвежском языке, Гамсун был обвинен в плагиате, хотя и приводил доказательства того, что замысел новеллы появился много раньше ее публикации. См. об этом: Гамсун Т. Кнут Гамсун — мой отец. М., 1999. С. 109; Будур Н. Гамсун. Мистерия жизни. М., 2008. С. 102.

СОКРАЩЕНИЯ

- Г — Гамсун К. Собрание сочинений: В 6 т. / Отв. ред. М. Климова. Т. 1. М., 1991.
- НЗ — Ницше Ф. Так говорил Заратустра // По ту сторону добра и зла. М., 2002.
- НС — Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Там же.

Natalia Kapralova

NIETZSCHE'S POSTNIHILIST PERSON IN THE EARLY NOVELS OF KNUT HAMSUN

The works of F. Nietzsche became well-known in Europe in the end of the 19th century, after the publication in 1889 of G. Brandes's critical review "Aristocratic Radicalism". Knut Hamsun's second novel, in which the writer depicted the inner life of a modern young man, and how the revision of spiritual values of time affected his soul and destiny, appeared two years later. The author of this article investigates the similarities between the ideas of the German philosopher and the Norwegian writer, and tries to answer the question about whether the influence could take place. The analysis discovers that the similarities are conditioned by the spirit of the times, and have the nature of typological resemblances.